

НАЦИОНАЛЬНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА
«ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ»
Конкурс исследовательских работ «ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКУ»

Секция: КРАЕВЕДЕНИЕ

ТЕМА: «Дагестан – Калуга связь сквозь века»

СОДЕРЖАНИЕ

1. Введение
2. Основная часть
 - 2.1 Имам Шамиль
3. Заключение
4. Использованная литература

1. ВВЕДЕНИЕ

«Шамиль и его семья вызывали большой интерес у жителей Калуги. В основном отношение горожан к грозному имаму было хорошее. Его часто приглашали в гости, на вечера, концерты, осмотреть достопримечательности города и окрестности. Каждый военный, прибывший в Калугу по делам, в командировку или проездом, должен был представиться Шамилю. Некоторые старались преподнести ему подарок.». Именно эти строки, которые я прочитала в одной из книг о жизни знаменитых людей Дагестана, заставили меня задуматься о связи между моей исторической родиной и родным для меня городом, городом в котором я родилась, живу и учусь, город с которым связана моя, пусть еще короткая, жизнь. Чтобы получить ответ на этот вопрос, я решил провести своё исследование.

Тема работы: «Дагестан – Калуга связь сквозь века».

Цель работы: изучить материалы о жизни имама Шамиля и найти ответ на вопрос о связи героя Дагестана с городом Калуга.

Задачи:

1. получить информацию по данной теме в Дагестанской диаспоре г. Калуги;
2. ознакомиться с литературой, имеющейся в библиотеках города по теме;
3. расспросить родителей, т.к. папа родом из тех мест, где проходили боевые действия, в которых принимал участие имам Шамиль;
4. систематизировать собранный материал, составить проект классного часа.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

По данным Всероссийской переписи населения 2002-го года, в Калужском регионе проживают представители более 110-ти этносов. В области зарегистрированы и активно действуют 13 организаций, представляющих 8 национальностей: Союза армян, Общества грузин, Дагестанской и Азербайджанской автономий, Еврейской и Афгано-Таджикской общин.

Моя семья долгое время проживает в г. Калуге, я и мой брат родились здесь, мама и папа живут и работают в этом городе. У нас очень много друзей. Нам очень нравится город и его окрестности, но мы, все равно, не забываем о том, откуда мы родом, где находятся наши «корни».

Каждое лето я уезжаю отдыхать на каникулы к своим родным в Дагестан. Мой папа родом из села Хуштада. Мои бабушка и дедушка проживают там же со дня своего рождения. Мой папа мне часто рассказывал о красоте тех мест где прошло е детство, особенно его завораживала красота мечети, в которую он ходил вместе с папой со дня своего рождения. А с особым трепетом он всегда вспоминает место, которое носит название ущелье имама Шамиля. Когда я была маленькой, то не очень понимала кто такой Шамиль и чем он так знаменит. Но недавно я прочитала книгу из серии «Жизнь Замечательных Людей», она была посвящена имаму Шамиля. Из это книги я узнала, что имам некоторое время проживал в городе Калуга и именно это меня заинтересовало, а именно почему герой Дагестана оказался в Калуге.

2.1 ИМАМ ШАМИЛЬ

По национальности аварец, родился в селении Гимры (Генуб) общества Хандалал Кавказской Аварии (Унцукульский район, Зап. Дагестан) около 1797 года. Имя данное ему при рождении — Али — было изменено его родителями на «Шамиль» ещё в детском возрасте. Одаренный блестящими природными способностями, он слушал лучших в Дагестане преподавателей грамматики, логики и риторики арабского языка. Проповеди его односельчанина Гази-Мухаммада, первого имама и проповедника «священной войны» — газавата, —

увлекли Шамиля, который стал сначала его учеником, а потом и ярким сторонником.

В 1837 году Шамиль стал третьим имамом Чечни и Дагестана. Шамиль 25 лет властвует над горцами Дагестана и Чечни, успешно борясь против количественно превосходивших его российских войск. Шамиль обладал военным талантом, и главное большими организаторскими способностями, выдержкой, настойчивостью, умением выбирать время для удара. Отличаясь твёрдой и непреклонной волей, он умел воодушевлять горцев к самоотверженной борьбе. Время Шамиля называлось у горцев временем шариата, его падение — падением шариата.

1840-х годах Шамиль одержал ряд крупных побед над русскими войсками. Однако в 1850-х годах движение Шамиля пошло на спад. Накануне Крымской войны 1853—1856 годов Шамиль в расчете на помощь Великобритании и Турции активизировал свои действия, но потерпел неудачу.

Заключение Парижского мирного договора 1856 года позволило России сосредоточить против Шамиля значительные силы: Кавказский корпус был преобразован в армию (до 200 тысяч человек). Новые главнокомандующие — генерал Николай Муравьев и генерал Александр Барятинский продолжали сжимать кольцо блокады вокруг имамата. В апреле 1859 года пала резиденция Шамиля — аул Ведено. А к середине июня были подавлены последние очаги сопротивления на территории Чечни.

После того как Чечня была окончательно присоединена к России, война продолжалась ещё почти пять лет. Шамиль с 400 мюридами бежал в дагестанский аул Гуниб.

После жестокого штыкового боя, в котором погибли 100 горцев и 21 русский солдат, 25 августа 1859 г. Шамиль сдался в плен. В тот же день плененный имам предстал перед главнокомандующим.

Ничего, кроме неприятностей быть повешенным или сосланным в морозную Сибирь, слухи о которой дошли и до Кавказа, Шамиль не ожидал для себя. Каково же было его удивление, когда по дороге в Петербург сообщили, что в городе Чугуеве, под Харьковом, Шамиля желает видеть сам русский император. Любопытно: Александр II распорядился, чтобы пленники были при оружии как его лучшие гости. Столь неожиданное доверие вызвало удивление, а затем и радость у Шамиля и его сына Кази-Магомеда. 15 сентября на царском смотре Александр II подошел к Шамилю и негромко сказал: "Я очень рад, что ты наконец в России, жалею, что это не случилось ранее. Ты раскаиваться не будешь. Я тебя устрою, и мы будем друзьями". При этом император обнял и поцеловал имама. Эта минута, судя по последующим высказываниям Шамиля, надолго запала в его память. По сути дела, только с этого момента имам понял, что отныне он в безопасности, а Россия не так страшна, как ее представляли на Кавказе. "Как военнопленный я не имел права ожидать повсюду такого ласкового приема. И меня поразило тот прием, который оказал мне государь император". Между тем бывшие соратники Шамиля не поняли великодушия русского императора, который, по их понятиям, должен был казнить плененного врага.

Пребывание в России стало для Шамиля в какой-то мере еще и "просветительской акцией". Будучи проездом в Курске, он поделился с губернатором Бибиковым: "Проезжая через Ставрополь, я был поражен красотой города и убранством домов. Мне казалось невозможным видеть что-нибудь лучше, но, приехав в Харьков и Курск, я совершенно переменяю свое мнение и, судя по устройству этих городов, могу себе представить, что ждет меня в Москве и Петербурге". Действительно, оказавшись в петербургском Исаакиевском соборе, Шамиль поразились огромному куполу. И когда он поднял голову, чтобы повнимательнее его рассмотреть, с головы имама упала чалма, что страшно его сконфузило.

Пока Шамиль не мог надивиться на Петербург, Александр II издал высочайший указ "о назначении имаму места жительства в городе Калуге". Вслед за этим калужскому губернатору Арцимовичу полетело предписание подыскать

имаму и его семье подходящий дом. Долгие поиски апартаментов, в которых с комфортом разместились бы 22 человека обширного семейства Шамиля с прислугой, привели губернских чиновников к местному помещику Сухотину. Ему предложили продать один из его домов для "государственных нужд". Продать дом Сухотин не согласился, а вот сдать внаем за 900 рублей в год - пожалуйста.

Тем временем, пока сухотинский дом приводили в порядок в соответствии со вкусами кавказского гостя, в Калугу 10 октября 1859 года прибыл в трех экипажах и в сопровождении конных отрядов сам Шамиль с сыном Кази-Магомедом. Остановились они в лучшей калужской гостинице француза Кулона. Однако ненадолго. Вскоре в отремонтированный дом Сухотина привезли нового хозяина.

Дом, на удивление Шамилю, оказался просторным: три этажа, тринадцать комнат, сад во дворе. Из шести комнат верхнего этажа две - налево от витиеватой чугунной лестницы - Шамиль отдаст позже младшей и любимой жене Шуаннат, в третьей же поселился сам. Эта комната была ему и кабинетом, и молельней, и спальней. Диванная палатка, как называл свою уютную комнату сам Шамиль, был убрана в "исламский" зеленый цвет.

Кроме двойных зеленых занавесок на окнах и такого же ковра на полу, в "палатке" поставили софу, обитую зеленой тканью. Возле нее стоял ломберный столик. Меж двух окон разместили небольшой письменный стол и вольтеровское кресло. К комнате Шамиля примыкал тенистый сад, и имам частенько выходил на балкон полюбоваться цветущей зеленью. В самом саду для Шамиля построили небольшую мечеть. Но иногда для молитвы имам мог просто расстелить в углу комнаты желто-зеленую бурку. Дом привел Шамиля в восторг, тем более что на Кавказе самое шикарное пристанище, в котором ему приходилось ночевать, был деревянный дом в Ведено-Дарго: "Я думаю, только в раю будет так хорошо, как здесь. Если бы я знал, что меня здесь ожидает, давно сам убежал бы из Дагестана".

То внимание, которое оказывалось имаму Дагестана и Чечни в России, не могло не вызвать у Шамиля - человека благородного и мудрого - ответного чувства.

Как-то в приватной беседе он признался предводителю калужского дворянства Щукину: "У меня нет слов высказать вам то, что я чувствую. Приязнь и внимание со стороны ближнего всегда приятны человеку, в ком бы он их ни встретил, но ваша приязнь после того, как я вам сделал столько зла, совсем другое дело. За это зло вы, по справедливости, должны бы растерзать меня на части; между тем вы поступаете со мной как с другом, как с братом. Я не ожидал этого, и теперь мне стыдно; я не могу смотреть на вас прямо и всей душой был бы рад, если бы мог провалиться сквозь землю".

О своем прежнем могуществе Шамиль, по выражению его зятя Абдурахмана, жалел как о растаявшем снеге. А познакомившись поближе с Россией, имам, будучи неглупым человеком, понял, что Кавказская война рано или поздно должна было закончиться покорением Кавказа и его собственным пленением, если ему не суждено было погибнуть от русской пули.

Пребывая в Калуге, Шамиль с большой охотой появлялся на публике, знакомился с городом. Пытливо осмотрев в первый же день калужские окрестности, Шамиль неожиданно радостно воскликнул: "Чечня! Совершенная Чечня!".

Совершать прогулки по городу имам предпочитал в открытой коляске, которую ему подарил царь вместе с четверкой лошадей и пятнадцатью тысячами рублей дохода в год. Но несмотря на возможность много тратить, Шамиль был чрезвычайно прост в быту. Точнее, он сохранил все привычки горца, прожившего всю жизнь в горах и привыкшего к спартанской обстановке. Имам был весьма умерен в пище. За завтраком и ужином он съедал одно блюдо, за обедом - два. Ничего, кроме свежей ключевой воды, он не пил. Жил в согласии с природой. Спать ложился рано: летом в семь, зимой в девять. Вставал тоже раньше всех. В летние месяцы - в четыре, а в зимние - в шесть.

Что до одежды, то Шамиль не изменял своим привычкам и одевался как истинный горец, тем более что никто его не принуждал к европейской цивильной одежде.

Более того, относясь с уважением к Шамилю - имаму Дагестана и Чечни, ему разрешили ходить в чалме (после покорения Кавказа это могли делать лишь побывавшие в Мекке). Так что по улицам Шамиль щеголял в белой красивой чалме, медвежьей шубе и желтых сафьяновых сапогах. Посетив в таком экстравагантном для калужан виде городской сад, имам сразу же запомнился публике. Вот, например, как вспоминает Шамиля один из очевидцев: "Несмотря на преклонный возраст и девятнадцать ран, полученных Шамилем в боях, он казался моложе своих 62 лет. Имам был крепкого сложения, стройный, с величавой походкой. Волосы его были темно-русого света, слегка схваченные сединой. Нос - правильной формы, а лицо с нежным белым цветом кожи обрамлено большой и широкой бородой, искусно окрашенной в темно-красный цвет. Величавая походка придавала ему весьма привлекательный вид." Кстати, бороду Шамиль красил для того, чтобы "неприятели не заметили бы в наших рядах стариков и потому не открыли бы нашей слабости."

В середине 1860 года в Калугу неспешно проследовал караван из семи экипажей. Это доставили личные вещи Шамиля и его семью. Один из экипажей был гружен несколькими тюками - обширными персидскими коврами. Это привезли библиотеку Шамиля, сплошь состоявшую из религиозных книг. Радости имама не было предела, тем более что вместе с книгами привезли и любимую жену Шамиля Шуаннат, за жизнь которой имам особо боялся. Позже Шуаннат рассказала, что была без памяти от страха в первые часы взятия Гуниба. А когда Шамиля повезли к русскому главнокомандующему князю Барятинскому, она была уверена, что больше не увидит своего мудрейшего мужа. И даже когда князь Барятинский их обласкал и подарил им много драгоценных камней, она и то продолжала думать, что ее отправят в Сибирь на всю жизнь. "Никогда, - признавалась она, - не могли мы подумать, что в России нам так будет хорошо".

Тем не менее урожденная Анна Ивановна Улуханова не желала возвращаться в христианство, веруя в мудрость Шамиля, приведшего ее в магометанство.

И вправду, имам Шамиль был очень религиозным человеком, прожившим жизнь в согласии с Кораном, но он никогда не был фанатиком и потому с интересом присматривался к церковной жизни русских. Бывало, он заглядывал в церковь св. Георгия, где ему сделали специальное окошко, чтобы он мог следить за службой не снимая папахи. А однажды Шамиля пригласил к себе на чай епископ калужский Григорий. С ним завязалась оживленная беседа, в которой епископ спросил Шамиля: "Отчего у нас и у вас один Бог, а между тем для христиан. Он добрый, а для магометан такой строгий?" "Это оттого, - отвечал Шамиль, - что Иса (Иисус - Авт.) ваш добрый. А наш пророк сердитый, да и народ у нас буйный, и потому с ними следует обращаться строго".

Очутившись как-то в Царском Селе и подивившись лишней раз роскоши и размаху "гяуров", Шамиль замер перед величественной статуей Спасителя. Помолчав минутку, он сказал своему другу - полковнику жандармов Богуславскому: "Он многому прекрасному учил вас. Я тоже буду ему молиться. Он мне счастье даст". И это, по всей видимости, не было позой. Видя терпимое отношение русских к исламу, он- также терпимо стал относиться к "неверным". Как-то раз полковник Богуславский спросил Шамиля: "А что если бы Шуаннат сделалась христианкой, взял ли бы ее к себе как жену?" - "Возьму!" - решительно ответил имам.

Вопреки своим годам Шамиль сохранил почти что юношеское любопытство ко всему, что его окружало. Как-то раз он пожелал посетить казармы калужского гарнизона, откушав там каши, а в другой раз - Хлюстинскую больницу. Проходя одну за другой палаты, он наткнулся на раненого своего солдата. Узнав, что горца лечат так же внимательно и тщательно, как и русских, Шамиль был потрясен. Позже, встретив на улице еще двух горцев (к удивлению имама, не закованных в цепи), он завел разговор со своей "нянькой" - капитаном корпуса жандармов Руновским. "Теперь только я вижу, как дурно содержал княгинь (Орбелиани и

Чавчавадзе, взятых в плен в 1854 году. - Авт.), но я думал, что содержал их очень хорошо. Я вижу в Калуге сосланных сюда двух горцев, они ходят здесь на свободе, получают от государя содержание, занимаются вольной работой и живут своими домами. Я не так содержал русских пленных - и от этого меня так мучит совесть, что я не могу этого выразить словами".

Находясь в России, пытливый до мелочей имам невольно сравнивал родной Кавказ с огромной страной, в которой он очутился, удивляясь ее размаху и развитию. Однажды его привезли посмотреть губернскую гимназию, в которой Шамиль попросил непременно показать ему физический кабинет. Наткнувшись там на корявый кусок магнита, имам долго с ним играл, радуясь тому, как он притягивает всякие железячки. Но в гимназии Шамилю так и не смогли объяснить, зачем русских детей учат русскому же языку. И совершенно озадаченным стал Шамиль, посетив позже русский флот в Кронштадте, монетный двор в Петербурге, фарфоровый и стеклянный заводы... "Да, я жалею, что не знал России и что ранее не искал ее дружбы!" - произнес Шамиль со вздохом, подъезжая к Калуге.

Летом 1861 года Шамиль со своим сыном Кази-Магомедом и двумя зятьями отправились в столицу просить у Александра II разрешения ехать в Мекку. Но Александр II ответил уклончиво, давая понять, что пока не время... Позднее Шамиль красноречиво писал об этом эпизоде своему покровителю князю Барятинскому: "Краснею со стыда перед Его Императорским Величеством и перед тобою, Князь, и раскаиваюсь, что высказал желание ехать в Мекку. Клянусь Богом, я не высказал бы моих задушевных желаний, если бы знал, что Кавказ еще не замирен. Не высказал бы потому, чтобы Император и ты, Князь, не подумали бы обо мне чего дурного! Если я лгу, то пусть поразит меня и все мое семейство кара Божия!" (Просьбу Шамиля Александр II исполнил. В 1871 году Шамиль посетил гробницу пророка Магомета, но вернуться в Россию ему уже не пришлось: смерть настигла имама в Медине.)

Постепенно, по свидетельству приставленного к имаму офицера, надзор за "стариком", как называли за глаза Шамиля, стал почти незаметным. Никто его уже и не воспринимал как военнопленного. Но интерес к нему не угасал. У Шамиля часто интересовались о тех жестокостях, которые он совершал над людьми. Имам на это отвечал философски: "Я был пастырь, а те были моими овцами, чтобы их держать в повиновении и покорности, я должен был употреблять жестокие меры. Правда, много людей я казнил, но не за преданность к русским - они мне никогда ее не высказывали, - а за их скверную натуру, за грабеж и за разбой, поэтому я не боюсь наказания от Бога". На вопрос, почему он не сдался раньше, он отвечал как человек чести: "Я был связан своей присягой народу. Что сказали бы про меня? Теперь я сделал свое дело. Совесть моя чиста, весь Кавказ, русские и все европейские народы отдадут мне справедливость в том, что я сдался только тогда, когда в горах народ питался травой".

Как-то вечером Шамиль тихонько постучал в комнату своей новой "няньки" Чичагова и, с минуту помолчав, вдруг спросил: "Чем и как лучше я могу доказать, как я обожаю своего Государя?" Ответ напрашивался сам: присяга на верноподданство. И Шамиль не заставил себя долго ждать. Имам написал Александру II письмо, ставшее своего рода политическим завещанием Шамиля потомкам: "Ты, великий Государь, победил меня и кавказские народы, мне подвластные, оружием. Ты, великий Государь, подарил мне жизнь. Ты, великий Государь, покори мое сердце благодеяниями. Мой священный долг как благодетельствованного дряхлого старика и покоренного Твоею великою душой внушить детям их обязанности перед Россией и ее законными царями. Я завещал им питать вечную благодарность к Тебе, Государь, за все благодеяния, которыми ты меня осыпаешь. Я завещал им быть верноподданными царям России и полезными слугами новому нашему отечеству"...

Шамиль принял присягу 26 августа 1866 года вместе со своими сыновьями Кази-Магомедом и Шафи-Магомедом в зале калужского Дворянского собрания. Чем было это столь странное, на 180 градусов, обращение имама Шамиля из последовательного врага России в ее верноподданного? Был ли этот поворот

искренним или же это было лишь притворство? Никто, пожалуй, кроме самого Шамиля, не ответит на этот вопрос. И все-таки, думается, что имам был искренен. С чего ему было двуличничать? Это был смелый и порядочный немолодой уже человек, так что не из трусости же он принял дружбу со вчерашними своими неприятелями. Что ему угрожало? В конце концов, находясь в ссылке, побежденный Шамиль мог бы просто замкнуться в четырех стенах. Но нет, он сам идет навстречу своим прежним противникам. Думается, что это было проявление настоящей мудрости, преклонявшейся перед великодушием и величием бывших врагов.

В 1866 году, 26-го августа, в дворянском собрании, в присутствии представителей калужской губернской администрации и множества публики Шамилем была принесена торжественная присяга на верность и подданство государю императору, а 25-го ноября 1868 года Шамиль оставил Калугу и поселился с семьей в Киеве.

Заветной мечте престарелого имама поехать в Мекку, чтобы поклониться мусульманским святыням, суждено было исполниться под конец его жизни. Выехал он из России туда в 1870 году и уже больше назад не возвращался, так как умер в Медине в 1871 году.

В Калуге сохранился дом в котором проживал имам Шамиль, его так и называют дом Шамиля. Этот дом является памятником архитектуры и в его стенах располагается одна из экспозиций Городского Краеведческого музея.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Связь между Дагестаном и Калугой на этом не закончилась. Сегодня в городе проживают представители не только Дагестана, но и всего Северного Кавказа. Для поддержания традиций в городе существует диаспора Дагестана. Она тесно сотрудничает с городскими властями и принимает активное участие в жизни и праздниках города и области. Творческие коллективы, образованные в нашей диаспоре, знакомят калужан с культурой и историей всего Северного Кавказа. А недавно в Калужском Дворце пионеров проходил концерт посвященный дружбе народов, в нем принимали участие коллективы разных диаспор. Через искусство мы обменивались своей историей, а после концерта мы обменивались номерами телефонов. Но не только мы жители Калуги можем познакомить калужан с творчеством Дагестана, к нам в гости приезжал исполнитель народных мотивов, и эти мотивы были исполнены на народном инструменте дудук. Мелодии, которые издавались из инструмента, не только ласкали слух слушателей, но и рисовали картины далекого Дагестана.

Но не только культура Дагестана знакомит калужан с Северным Кавказом. Несколько лет назад Калужский Областной Драматический Театр ездил на гастроли в Дагестан. Артисты театра показывали различные постановки. Они показали разные стили жизни и историческую, и современную, и русскую, и зарубежную. Гастроли прошли с успехом, с тех пор калужские артисты часто приезжают с новыми постановками на Северный Кавказ.

Продолжается жизнь, продолжается и развивается история страны. Но забывать прошлое нельзя. И, мы, растущее поколение должны не забывать прошлого, даже если оно было и не совсем светлое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. <http://www.wikipedia.ru/>
2. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. Москва «Росет» 1994г.
3. Карпеев И.В., Казиев Ш. Имам Шамиль. М., Молодая гвардия, 2001г.